

The background of the cover is a detailed illustration. It depicts a person from behind, wearing a dark, long robe or cloak, standing on a narrow, rocky path. The path is covered with fallen autumn leaves in shades of orange, red, and brown. The person is looking towards a misty, ethereal landscape. On the left, a tall, dark, and somewhat gothic-style building is built into a steep, rocky cliff. The right side of the path is also bordered by a rocky outcrop. The overall atmosphere is mysterious and somber, with a focus on the journey and the unknown destination.

Сергей Стаценко

Сансара: возвращение в новое тело 輪廻

18+

Сергей Стаценко

**Сансара: возвращение
в новое тело ##**

«Автор»

2026

Стаценко С. В.

Сансара: возвращение в новое тело ## / С. В. Стаценко —
«Автор», 2026

Он умер. И вернулся. Сергей помнит всё: свою жизнь, свой последний вздох, тишину, из которой рождается всё. Он думал, что смерть — это конец. Оказалось — дверь. Теперь у него новое тело. Новое имя. Новый мир, который встречает его иначе: другими ожиданиями, другими правилами, другими взглядами. Но внутри — всё та же душа. Та же память. Тот же путь. Как прожить жизнь заново, но не забыть? Как принять тело, которое не выбирал? Как остаться собой, когда мир настойчиво лепит из тебя кого-то другого? Это книга о том, что будет, если помнить. О том, что инь и ян — не противоположности, а половинки одного дыхания. О том, что смерть — не стена, а порог. Вторая книга дилогии, начатой романом «Не сказано — значит прожито». История души, которая продолжает путь. # · ## · #Дао. Сансара. Трансформация.

Содержание

Введение # · ## · #	5
Предисловие# (Воспоминание)	6
Часть I. Пробуждение в новом телеГлава 1. Смерть — это дверь#	7
Глава 2. Розовое#	9
Глава 3. Имя, которое не моё#	11
Глава 4. «Ты же девочка»#	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Стаценко

Сансара: возвращение в новое тело

Введение # · ## ·

Я уже писал эту книгу. Только не эту, а ту — первую. О пути одного человека по имени Сергей. О том, как он родился, забыл себя, падал в ямы, строил броню, терял любовь, а потом возвращался. О том, как вода учила его течь, пустота — быть открытым, а глина — принимать свою природу. О том, как в конце он умер и слился с Дао, и капля вернулась в океан.

Я думал, что на этом всё.

Так думают многие. Что смерть — это финал. Точка. Тишина после слов. Что после неё — либо ничего, либо что-то, о чём не говорят, потому что никто не возвращался.

Но я вернулся.

Это не метафора. Не фантазия. Не приём, чтобы завлечь читателя. Я действительно помню ту жизнь. Помню своих детей — а теперь я моложе их. Помню свою жену — её руки, её голос, её последний поцелуй в лоб. Помню, как она сказала: «Мы ещё встретимся». Тогда я подумал, что это просто слова утешения. Теперь я знаю: она говорила правду.

Потому что я вернулся. И она тоже вернулась. Но об этом — позже.

Я родился не мальчиком. Я родился девочкой. И это не случайность. Дао # не ошибается. Если в прошлой жизни я шёл от твёрдости к мягкости, от ян к инь, то теперь мне дали тело, которое мягко по природе. Мне дали возможность прожить вторую половину целого.

Меня называли Ксенией. Ксюшей. Ксюшенькой. Имя — как и в прошлый раз — одежда. Под ней всё тот же Безымянный ## (у-мин), который был до всего и останется после.

Это книга о том, что будет, если помнить. О том, каково это — родиться заново, но не забыть. О том, как душа, прошедшая через мужской опыт, проживает женскую жизнь. О том, как инь и ян ## встречаются не вовне, а внутри одного сознания.

И ещё — о том, как любовь находит способ. Даже через смерть. Даже через новое тело. Даже когда ты уже не ты, а она уже не она — вы всё равно узнаете друг друга.

Я не знаю, сколько ещё будет кругов. Может быть, это последний. Может быть, потом я стану птицей. Или ветром. Или тишиной.

Но пока я здесь — дышу, чувствую, помню, — я расскажу. Потому что то, что не сказано — значит прожито. Но то, что прожито дважды, — может быть, стоит сказать.

«Великий ком вверил мне тело, ниспослал мне бремя этой жизни, сделал лёгкой мою старость и упокоит меня в смерти. То, что сделало доброй мою жизнь, сделает доброй и мою смерть».

— Чжуан-цзы, глава 6

Предисловие# (Воспоминание)

Я помню.

Это странно — помнить то, что было до тебя. Не в прошлом году, не в детстве, а в другой жизни. В другом теле. С другим именем, которое когда-то было моим, а теперь стало чужим, как старая одежда.

Я помню руки, которые держали меня, когда я умирал. Помню голос, который сказал: «Мы ещё встретимся». Я не поверил тогда — или поверил, но не умом, а тем глубоким знанием, которое не требует доказательств. Поверил той частью себя, которая не умирает.

И вот я здесь. Снова. В новом теле. С новым именем. Но с той же памятью.

Это трудно — нести в себе целую жизнь, которую никто вокруг не видит. Смотреть на мир глазами ребёнка и знать, что ты уже был взрослым. Любил. Терял. Падал на дно ямы и поднимался. Умирал — и возвращался.

Но это и подарок. Потому что я знаю то, чего не знают другие. Знаю, что смерть — не конец. Что любовь — не исчезает. Что Дао # течёт сквозь время так же, как сквозь пространство, и моя капля ещё не долетела до океана.

И ещё я знаю: она где-то здесь. Та, что держала меня за руку. Та, что сказала: «Мы ещё встретимся». Я не знаю, в каком она теле, под каким именем, в каком городе. Но я узнаю её. По взгляду. По тишине. По тому, как она молчит.

А пока — я расскажу свою историю. Вернее, продолжение истории, которая началась в прошлой книге. Историю Сергея, который стал Ксенией. Мужчины, который родился женщиной. Души, которая продолжает путь. Это книга о том, что будет, если помнить.

«Однажды Чжуан-цзы приснилось, что он бабочка. Проснувшись, он не знал: то ли Чжуан-цзы снилось, что он бабочка, то ли бабочке снится, что она — Чжуан-цзы».

— Чжуан-цзы, глава 2

Часть I. Пробуждение в новом теле

Глава 1. Смерть — это дверь#

Я помню, как умирал. Но это не важно. Важно то, что случилось потом. Темнота. Не та, что пугает, а та, что обнимает. Тепло. Покой. Тишина, в которой нет ни прошлого, ни будущего — только вечное сейчас. А потом — сжатие. Давление. Движение.

Я рождалась.

Это было не так, как в первый раз. В первый раз я не знал, что происходит. Я был просто потоком, который несёт неизвестно куда. Теперь я знал. Знал, что это — рождение. Знал, что будет свет, воздух, крик. Знал, что начнётся новая жизнь. Но знание не делало происходящее менее ошеломляющим.

Свет ударил в глаза. Воздух хлынул в лёгкие — острый, холодный, чужой. Я закричала. Крик был высоким, тонким, и я ещё не знала, что он женский. Я просто кричала, потому что не могла не кричать.

Чьи-то руки подхватили меня. Тёплые.

Уверенные. Голос — женский, усталый, но радостный:— Девочка. Здоровая девочка.

Девочка.

Вот оно. Слово, которое определит всю мою новую жизнь. Слово, которое повесит на меня ярлык задолго до того, как я научусь ходить и говорить. Девочка. Не мальчик. Не человек. Девочка.

И мир уже знал, что со мной делать.

Меня унесли, вымыли, завернули в розовое. Не в белое, не в голубое — в розовое. Потому что девочкам положено розовое. Я ещё не различала цветов, но потом, спустя годы, вспомню эту деталь и пойму: всё началось с пелёнки. С первого куска ткани, который сказал миру, кто я.

Мать держала меня на руках. Её лицо было размытым пятном, но голос — голос я узнавала. Он звучал надо мной все месяцы, пока я была внутри. Теперь он звучал снаружи:

— Ксюша. Моя Ксюша.

Ксюша. Меня уже назвали. Имя — первое, что дают человеку, даже не спросив. В прошлой жизни меня звали Сергеем. Я помнил это имя, как помнил вкус чая и тепло солнца. Но теперь я была Ксенией. И это имя звучало как приговор. Или как подарок. Я ещё не знала.

Я лежала в кровати и смотрела в потолок. Глаза почти не видели, но я чувствовала: мир вокруг меня уже начал свою работу. Он ждал, что я буду милой. Нежной. Послушной. Он ждал, что я буду играть в куклы, носить платья, опускать глаза, когда на меня смотрят мужчины. Он ждал, что я вырасту и стану «хорошей девочкой», а потом «хорошей женщиной».

В прошлой жизни я был мальчиком — и от меня ждали другого. Силы. Твёрдости. Умения не плакать. Умения бить первым. Я строил броню, потому что мир требовал брони. Теперь от меня требовали мягкости. И я не знала, что труднее.

Ночью, когда в палате стало тихо, я попыталась осмыслить случившееся. Но младенческий мозг не справлялся. Мысли распадались, как мокрый сахар. Оставалось только чувство: я — девочка. И это навсегда.

За окном шёл дождь. Капли стучали по стеклу. Я слушала их и вспоминала — не умом, а телом, — как когда-то стояла под дождём с мокрым цветком в руке. Тогда я была Сергеем. Мальчиком, который пытался завоевать любовь силой.

Теперь я была Ксенией. Девочкой, которой ещё предстояло узнать, что любовь силой не завоевывают. Что мир будет требовать от неё совсем другого. Что её путь — это путь инь, а не ян. Но это будет потом.

А пока — первый день. Первый дождь. Первое имя. Я закрыла глаза. Вернее, позволила им закрыться. И прежде чем провалиться в сон, успела подумать: «Ну, здравствуй, новый мир. Посмотрим, что ты мне приготовил».

«Как грандиозен путь превращения вещей! Чего только не сотворят из тебя нынче! Куда только не заведут тебя перемены!»

#####

— Чжуан-цзы, глава 6

Глава 2. Розовое#

Первое, что я узнала о себе в этой жизни — ещё до того, как научилась сидеть, — это то, что я должна любить розовое.

Розовыми были пелёнки. Розовыми — ползунки. Розовой — шапочка с помпоном, которую мне натягивали перед прогулкой. Розовой — погремушка, которую вкладывали в мою беспомощную ладонь. Я не выбирала этот цвет. Я вообще ещё не знала, что такое цвет. Но мир уже выбрал за меня.

Однажды — мне было, наверное, месяца четыре — в гости пришла мамина подруга. Она принесла подарок: крошечное платьице, всё в оборках, такое розовое, что глазам было больно.

— Какая прелесть! — ахнула мать. — Ксюша будет в нём как принцесса.

Принцесса. Слово, которое я потом буду слышать ещё много раз. Принцесса не бежит по лужам. Принцесса не пачкает платье. Принцесса не кричит, не дерётся, не лазает по деревьям. Принцесса сидит смирно, улыбается и ждёт прекрасного принца.

Мне было четыре месяца, а моя роль уже была написана.

В прошлой жизни, когда я был Сергеем, мне дарили машинки. Солдатики. Мячи. Мне говорили: «Ты будущий мужчина». Мне не говорили: «Ты будущая принцесса». Мир мальчиков был про действие, про захват, про «иди и возьми». Мир девочек — про ожидание. Про украшение. Про «будь красивой, и тебя заметят».

Я не могла сказать это словами. Но телом — тем самым, которое ещё не умело переворачиваться, — я уже чувствовала разницу.

Потом были куклы.

Они появились, когда мне исполнился год. Барби с неестественно длинными ногами. Пупсы, которых нужно было кормить из бутылочки. Мягкие звери с огромными глазами. Их клали в мою кроватку, ставили на полку, вкладывали в руки.

— Ксюша, смотри, какая кукла! Уложи её спать. Покорми. Она твоя дочка.

Дочка. В год. Мне давали куклу и говорили: это твой ребёнок. Тренируйся. Готовься. Ты — будущая мать.

В прошлой жизни мне давали пистолет. Не настоящий — пластмассовый, но смысл был тот же: тренируйся. Готовься. Ты — будущий воин. Мальчики воюют. Девочки нянчат.

Я помнила, как сам дарил куклы дочерям. Как умилялся, глядя, как они пеленают пупсов. Я не думал тогда, что это — программирование. Что каждая игрушка — это кирпичик в стене, которая отделит их от мира мальчиков. Я просто дарил. Просто любил.

Теперь я была по другую сторону стены.

И я не могла сказать: «Мне не нравится розовое. Я не хочу быть принцессой. Я не хочу нянчить куклу». Потому что я ещё не умела говорить. А когда научилась — было уже поздно. Привычка быть «хорошей девочкой» уже поселилась во мне.

Однажды — мне было года три — я сидела на полу и смотрела на куклу. У неё были закрывающиеся глаза. Если положить её на спину, глаза закрывались. Если поднять — открывались. Я клала и поднимала, клала и поднимала.

«Это чтобы она спала, — думала я. — Кукла должна спать. Кукла должна быть красивой. Кукла должна лежать смирно».

Я отложила куклу и больше к ней не прикоснулась.

Вместо этого я пошла на кухню, взяла кастрюлю и деревянную ложку. И начала бить. Громко. Ритмично. Это была не мелодия — просто шум. Но это был мой шум. Не розовый. Не кукольный. Живой.

Мать прибежала.

— Ксюша! Что ты делаешь? Ты же девочка!

Ты же девочка.

Эта фраза будет преследовать меня годами. Ты же девочка — не бегай. Ты же девочка — не кричи. Ты же девочка — не дерись. Ты же девочка — будь мягче, тише, незаметнее.

Я не знала тогда, что эти слова — тоже пелёнка. Невидимая. В неё заворачивают не тело — душу.

Вечером, лёжа в кровати, я смотрела в потолок и думала — не словами, а образами, как думают дети: «Я помню, как был мальчиком. Я помню, как мне говорили: будь сильным. Теперь мне говорят: будь красивой. Но я — это я. Не мальчик. Не девочка. Просто я».

Эту мысль я не могла удержать — она ускользала, как вода. Но она была первой. Первой мыслью о том, что ярлыки — это не я. Что розовое — это просто цвет. Что кукла — это просто пластмасса. Что «ты же девочка» — это просто слова.

Настоящая я была глубже.

«Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное — прекрасно, появляется и безобразное. Когда все узнают, что добро — это добро, возникает и зло».

#####

— Дао Дэ Цзин, глава 2

Глава 3. Имя, которое не моё#

Меня называли Ксенией на третий день после рождения. Я ещё не понимала слов, но уже чувствовала: это слово — особенное. Его произносили иначе, чем остальные. С особой интонацией. С нежностью. С ожиданием.

— Ксюша, — говорила мать, склоняясь надо мной. — Ксюшенька.

И я училась откликаться.

В прошлой жизни меня звали Сергеем. Это имя означало «высокочитимый» — я узнал об этом позже, когда стал интересоваться смыслами. Сергей должен был быть сильным, надёжным, твёрдым. И я старался. Всю жизнь старался.

Теперь меня называли Ксенией. И у этого имени тоже был смысл. Ксения — «странница», «гостя», «чужестранка». Тот, кто приходит из далека.

Если бы родители знали, насколько они попали в точку.

Я действительно была странницей. Гостьей в этом теле. Чужестранкой, которая пришла из другой жизни. Я носила это имя как одежду, которая случайно оказалась впору — не потому что её шили для меня, а потому что я сумела вписаться в неё.

Но имя — это не просто слово. Имя — это ожидания.

Сергей должен был быть сильным. Ксения должна была быть... какой?

— Ксюша — имя нежное, — говорила бабушка. — Нежное имя для нежной девочки.

— Ксения — имя благородное, — добавлял отец. — Наша дочь будет умницей.

— Ксюшенька, ты у нас красавица, — ворковала мать.

Нежная. Умница. Красавица.

Никто не говорил: сильная. Никто не говорил: смелая. Никто не говорил: упрямая, дерзкая, свободная. Эти слова были для мальчиков. Для Сергеев. А Ксения должна была быть другой — мягкой, послушной, удобной.

Я чувствовала это кожей. Не умом — ум ещё не работал, — а каким-то древним чутьём, которое осталось от прошлой жизни. Когда меня называли «нежной», мои плечи сжимались. Когда меня называли «красавицей», я отводила глаза. Эти слова были как платье, которое мало — красивое, но тесное.

Однажды — мне было года полтора — я сидела на полу и играла с кубиками. Строила башню. Она падала, я строила снова. Это было интересно — смотреть, как конструкция держится, а потом рушится. Физика. Архитектура. Никакой нежности.

— Ксюша, — позвала мать, — иди сюда, я тебе бантик завяжу.

Бантик. Я не хотела бантик. Я хотела достроить башню.

Но я пошла. Потому что «хорошие девочки» слушаются маму. Потому что «нежные девочки» не спорят. Потому что я уже училась быть Ксенией — не той, кем была внутри, а той, кем меня хотели видеть.

Мать завязала бант. Розовый. Я посмотрела в зеркало.

Из зеркала смотрела девочка. С бантом. С пухлыми щеками. С глазами, в которых пряталась какая-то странная, недетская глубина.

«Это не я», — подумала я. Но вслух ничего не сказала. Я уже училась молчать.

Вечером, когда меня уложили спать, я лежала в темноте и повторяла про себя два имени. Сергей. Ксения. Сергей. Ксения. Одно было твёрдым, другое — мягким. Одно пахло кожей и потом, другое — молоком и ромашкой. Одно ждало от меня силы, другое — нежности.

Но я была и тем, и другим. Я носила в себе обе жизни. Оба имени.

И я решила — насколько может решать полуторагодовалый ребёнок, — что не дам имени себя определить. Пусть я Ксения. Но какая Ксения — это решать мне, а не бантику. Не розовому цвету. Не словам «ты же девочка».

В ту ночь мне приснился сон. Я была водой. У воды нет имени. У воды нет пола. Вода просто течёт — и этого достаточно.

Прошли годы, прежде чем я смогла облечь это чувство в слова. Но оно родилось именно тогда — в полтора года, с бантиком в волосах, перед зеркалом.

Имя — это одежда. Душа — это тот, кто её носит.

«Имя, которое можно назвать, не есть постоянное имя. Безымянное — начало неба и земли, обладающее именем — мать всех вещей».

#####

— Дао Дэ Цзин, глава 1

Глава 4. «Ты же девочка»#

Эту фразу я слышала чаще, чем собственное имя.

Она была везде. Дома. На улице. В гостях. В детском саду. Она звучала как приговор и как инструкция одновременно. В ней был и запрет, и предписание. И я училась жить по ней, как учатся жить по законам гравитации — не потому что они справедливы, а потому что они есть.

Мне было три, когда я впервые полезла на дерево.

Это был старый клён во дворе. Сучковатый, с удобными ветвями, созданными для лазания. Мальчишки сидели наверху, как воробы, и я полезла за ними. Просто потому что было интересно. Просто потому что тело хотело движения. Я помнила, как в прошлой жизни лазал по деревьям — и это было здорово. Ветер. Высота. Ощущение, что ты чуть ближе к небу.

Я добралась до второй ветки, когда снизу раздался крик:

— Ксюша! Немедленно слезь! Ты же девочка!

Это была мама. В её голосе был ужас — настоящий, неподдельный. Как будто я не на дерево залезла, а пошла по карнизу над пропастью.

Я слезла. Не потому что испугалась высоты. Потому что испугалась её страха. Её «ты же девочка» звучало так, будто быть девочкой — это быть стеклянной. Хрупкой. Такой, которую нужно беречь от всего на свете.

Мальчишки остались на дереве. На них никто не кричал.

В прошлой жизни я был на их месте. Я лазал по деревьям, дрался, бегал, разбивал коленки — и это было нормально. «Мальчишки есть мальчишки», — говорили взрослые, и в этом была индульгенция на всё. Мальчику можно быть грязным. Мальчику можно быть шумным. Мальчику можно.

Девочке — нельзя.

Это был первый урок. Потом были другие.

— Не кричи, ты же девочка.

— Не дерись, ты же девочка.

— Не бегай так быстро, ты же девочка.

— Не пачкайся, ты же девочка.

— Не сиди развалившись, ты же девочка.

— Не говори так громко, ты же девочка.

Каждое «ты же девочка» было кирпичиком. Из них строилась стена — невидимая, но прочная. Стена между мной и миром, который был открыт мальчикам. Стена между мной и моим прошлым «я», которое когда-то было свободным.

Я не спорила. Я училась быть удобной.

Но внутри меня жила память. Память о том, что я когда-то был мальчиком — и никто не говорил мне «не бегай», «не кричи», «не пачкайся». Память о том, что свобода движения — это не привилегия пола, а право живого существа.

Однажды — мне было около пяти — я не выдержала. Мы гуляли с папой в парке. Был дождь. Лужи стояли огромные, как моря. И я побежала. Прямо в лужу. Прыгнула двумя ногами, подняв фонтан брызг. Юбка намочла. Волосы намочли. Лицо было в грязных каплях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.